

ПОЭТОНИМОЛОГИЯ

В.М. Калинин (Донецк)

РОЛЬ В.Н. МИХАЙЛОВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ПОЭТОНИМОЛОГИИ (ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ)

Наше научное сегодня (и в пространстве, и во времени) – это мир с извращёнными представлениями об аксиологии. Оцениваем учёных не по свойствам научной продукции, а по её количеству, не по новизне и добротности исследований, а по наличию мифических “одобрямсов” от ВАК, РИНЦ, SCOPUS и прочих органов и организаций, растущих, как грибы после дождя, и имеющих целью, якобы, надзор за качеством научной продукции. Я не считаю индексы научного цитирования, рефераты и ключевые слова, в том числе, переведённые на английский и другие языки, равно как и иные характеристики научных трудов чем-то ненужным, но категорически возражаю против деления их по одному из изобретённых чиновниками от науки факторов на плохие и хорошие, “учитываемые” и не учитываемые, приемлемые и неприемлемые. Эта разновидность цензуры вредна в принципе.

Мы живём только настоящим. Нам не дано жить ни в каком другом времени, кроме настоящего. Ровно с той же скоростью, с какой мы движемся в будущее, от нас уходит в прошлое всё, что ещё мгновение назад было настоящим. Это в полной мере ощутил, осознал и пытался осмыслить ещё Августин Блаженный. В «Исповеди» он писал: “<...> Что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю несколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик. Между тем вполне сознаю, что если бы ничего не происходило, то не было бы *прошедшего*, и если бы ничего не проходило, то не было бы *будущего*, и если бы ничего не было действительно суще-

ствующего, то не было бы и *настоящего* времени.” (Исповедь XI, 14). И далее, после множества хитроумно выстроенных силлогизмов, он заключил: “Теперь ясно становится для меня, что ни будущего, ни прошедшего не существует и что неточно выражаются о трёх временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее; а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего. <...> Для настоящего прошедших предметов есть у нас память или воспоминание (*memoria*); для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание (*intuitus*), а для настоящего будущих предметов есть у нас чаяние, упование, надежда (*expectatio*)” (Исповедь XI, 20) [1, с. 586–588]. В этом единомоментном сосуществовании памяти, созерцания и упований пребывает научная жизнедеятельность. Любая наука, стремящаяся к новым достижениям, не может быть равнодушной к своему прошлому. Нас учит и обогащает опыт. Поэтому, возвращаясь к истории вопроса, мы вновь и вновь вопрошаем: не упустили ли мы чего-то важного, нужного сегодня и, не исключено, нужного в будущем. В этом и состоит смысл общения с прошлым, важность историографического (а для нас – лингвоисториографического) изучения трудов предшественников.

В былые времена для защиты диссертации необходимо было “обнародовать” какую-то часть своего исследования. Доподлинно известно, что Е.С. Отин ко времени защиты имел две публикации, над первой из которых работал несколько лет [10, 11]. А В.Н. Михайлов опубликовал одну статью: «Роль собственных имён в произведениях Н.В. Гоголя» [3]. Были, правда ещё две педагогические публикации, прямого отношения к диссертации не имеющие [4, 5]. Стали ли их диссертации по этой причине плохими? Или хуже тех, чьи авторы успел “наваять” за три аспирантских года до трёх десятков публикаций? Нет! Диссертация же В.Н. Михайлова вместе с 22 публикациями учёного, посвящёнными литературной ономастике, созданными, между прочим, за всю жизнь, вообще ознаменовали рождение нового научного направления – литературной ономастики, выросшей в XXI веке в поэтонимологию.

Возвращаясь к работам Всеволода Николаевича

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Михайлова, ловлю себя на мысли, что снова и снова жду от встречи с ними чего-то нового, ранее не вычитанного, не извлечённого из его трудов, и, как правило, не ошибаюсь. Думаю, что молодым филологам и начинающим учёным будет небезынтересно узнать, что очень часто новые идеи рождаются не только в моменты прозрений, вдохновенных открытий, но и тогда, когда “неясное томление” исследовательского сознания, ищущего решение проблемы, встречаясь, сталкиваясь с мыслями уже высказанными другими, рождает новое понимание, видение, подход и т.д.

Примеров тому множество. О некоторых упомяну.

Уже в первой, предшествующей диссертации, публикации В.Н. Михайлов отметил, что собственное имя в своём развитии проходит путь от указателя на отличительный признак лица до простого его означивания. А в литературе имени придаётся определённый смысл: “Имя приобретает совершенно явное значение, и читатель <...> воспринимает его не просто как имя, т.е. средство выделения данного объекта среди других, однородных, но и как средство характеристики” [3, с. 40]. Это понимание семантики литературного антропонима стало определяющим для всех последующих работ не только В.Н. Михайлова, но и его последователей.

Исключительно продуктивным для развития науки о литературных собственных именах положением в диссертации стало следующее: «Если становится широко известной в обществе какая-либо личность, то принадлежащее ей собственное имя (фамилия, прозвище, псевдоним, личное имя или сочетания их) приобретает свойство, которое мы назовём свойством “суггестивности”, т.е. способность указывать на известное содержание, событие, комплекс идей и т.д., связанные с носителем; быть символом определённой личности <...>. Некоторые из этих собственных имён, в силу обозначения ими ставших общеизвестными каких-либо свойств носителей, – переходят в нарицательные или дают производные слова, устойчиво входящие в общенародный словарь (например, “крез”, “пушкинский”, “ленинский”, “ленинизм” и др.)» [6, с. 52]. Это утверждение, впервые сформулированное в диссертации, получило полноценное развитие в самой круп-

ной (по объёму) публикации В.Н. Михайлова «Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе» [7]. Сегодня в ономатологии приобрело популярность понятие “прецедентный оним”. О его неприемлемости для ономастики, особенно же для поэтонимологии, я писал неоднократно. Однако само явление, исследуемое во всех случаях проявления онимом так называемой “прецедентности”, существует и лучшая лингвистическая его квалификация принадлежит по-прежнему В.Н. Михайлову.

Приступая к рассмотрению этой группы онимов в диссертационном исследовании В.Н. Михайлов отметил, что она “является наиболее своеобразной частью поэтического ономастикона” и указал на необходимость “определить её значение и место в ряду других типов собственных имён”. Выделив суггестивность как способность имён вызывать “общеизвестное в данном языковом коллективе представление о личности, <...> черту, связанную, ассоциирующуюся с носителем собственного имени” В.Н. Михайлов обозначил группы онимов, обладающих возможностями суггестивности: а) собственные имена мифологических лиц (античных, славянских и прочих), б) ряд специфических, устойчивых собственных имён сказочных, былинных и т.п. героев (Дадон, Бова, Милитрисса и др.), в) имена известных персонажей литературных произведений (когда последние получают “новую жизнь” в художественных произведениях других авторов [6, с. 491]). Кроме того, он отметил, что суггестивная функция сближает эту группу онимов с нарицательными именами, обладающими, кроме прочего, возможностями для метафорического именованья. Особо был отмечен весьма непростой момент, связанный с необходимостью квалифицировать то или иное лицо в качестве персонажа. В общем и целом своими публикациями В.Н. Михайлов на десятилетия предвосхитил основные линии исследования репрезентативных (включая реальные исторические) собственных имён не только в художественной литературе, но и в речевой практике вообще. В связи с этим возникает резонный вопрос: “Насколько часто ономатологи-“прецедентоведы” ссылались на В.Н. Михайлова как на одного из первых авторов онома-

стов, поднявших вопрос о необходимости изучения “наиболее своеобразной части поэтического ономастикона” – репрезентативных собственных имён?

Подробнее остановлюсь ещё на одном весьма поучительном примере. В статье «Антропонимия “Евгения Онегина” А.С. Пушкина. Наблюдения над творческой историей и ролью собственных имён в романе» [8], неоднократно прочитанной не только мною, но и М.В. Бувеской, автором первой монографии о поэтонимосфере [2], составившей, между прочим, комментированную библиографию поэтонимологических работ В.Н. Михайлова, долгое время оставались “не вычитанными” исключительно плодотворные мысли, касающиеся совокупности собственных имён художественного произведения как системы и целостности: “Антропонимы последней редакции (романа «Евгений Онегин». – В.К.) сами по себе способны уже наметить “расстановку социальных сил” в пушкинской “энциклопедии русской жизни”, отчасти дать представление о взаимоотношениях героев, об авторской позиции <...> Имена соотносены друг с другом, ни одно из звеньев этой системы не может быть нарушено, так как зависит от целого” [7, с. 43]. Эта безо всякого акцентирования высказанная мысль потому и оставалась незамеченной, что была своего рода заключением к основному тексту. О поэтонимосфере как таковой ни звука, но (!) это именно о ней и одном из важнейших её свойств провидчески высказался В.Н. Михайлов. Для того же, чтобы осмыслить важность этой констатации, литературная ономастика должна была развиваться без малого два десятилетия и преобразоваться в поэтонимологию.

Многие учёные часто с неоправданным скепсисом относятся ко всякого рода указателям, спискам, справочникам, словарям и прочее, считая их материалом, место которому в отчётах о научной работе, а не в открытой печати. Придерживаюсь иного мнения, разделяю его с А.В. Михайловым, крупнейшим литературоведом-германистом и культурологом XX века, писавшим: «Первейшая задача живой науки – интенсивно отчуждать всевозможное устойчивое, фактическое знание в виде компендиев, слова-

рей, справочников, летописей и т.д., способных фиксировать всё сколько-нибудь известное <...> такие “вспомогательные” области науки у нас всё ещё недооцениваются в прямой ущерб ей» [9, с. 29]. Так вот: диссертация В.Н. Михайлова хранит бесценный материал – перечень антропонимов русской художественной литературы XVIII – первой половины XIX века, насчитывающий более 2000 единиц и оставлять его там, в труднодоступном и не вполне читабельном тексте попросту недопустимо. Поэтонимологи ДОШ (Донецкой ономастической школы), сотрудничающие с Лабораторией прикладного языкознания и медицинской лексикографии ДонНМУ, приступили не только к извлечению этого материала с целью подготовки к публикации, но приняли решение развить идею и довести её до требуемого уровня полноты и совершенства. Объективно оценивая объём предстоящей работы и возможности количественно весьма скромного коллектива, мы приняли решение предложить желающим потрудиться на благо поэтонимологии у ч а с т и е в Проекте, условно именуемом «Свод собственных имён персонажей русской художественной литературы». Хронологические границы пока определены XVII – XX веками. (С идеей проекта и условиями участия в нём можно ознакомиться на сайте azbuka.in.ua ДОШ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин. Исповедь // Раннехристианская философия. Августин. // Антология мировой философии. В четырёх томах. Т.1. Философия древности и Средневековья. Часть 2. – М.: Мысль, 1969. – С. 581–588 (Извлечения из русского издания «Творения Блаженного Августина Епископа Иппонийского», части 1-8. Киев, 1901–1912).
2. Буевская, М.В. Поэтонимосфера художественного текста / М.В. Буевская. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 288 с.
3. Михайлов, В.Н. Роль собственных имён в произведениях Н.В. Гоголя / В.Н. Михайлов // Русский язык в школе. – 1954. – №2. – С. 40–48.
4. Михайлов, В.Н. Язык романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (Из опыта работы в школе) / В.Н. Михайлов // Известия Крымского пед. ин-та им. М.В. Фрунзе. – Симферополь, 1954. – Т.19. – С. 359–393.

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

5. Михайлов, В.Н. Изучение языка романа Пушкина «Евгений Онегин» в VIII классе / В.Н. Михайлов // Изучение языка художественных произведений в школе. – Москва, 1955. – С. 18–43.

6. Михайлов, В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование: дис. ... канд. филол. наук / Михайлов Всеволод Николаевич. – Москва: МГПИ им. В.И. Ленина, 1955. – 591 с.

7. Михайлов, В.Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе / В. Н. Михайлов. – Луцк: Луцкий гос.пед. ин-т им. Л. Украинки, 1965. – 54 с.

8. Михайлов, В.Н. Антропонимия «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Наблюдения над творческой историей и ролью собственных имён в романе / В.Н. Михайлов // Русский язык в школе. – 1979. – №1. – С. 41–43.

9. Михайлов, А.В. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: “Языки русской культуры”, 1997. – 912 с.

10. Отин, Е.С. Из истории частиц / Е.С. Отин // Ученые записки Сталинского государственного педагогического института. – Сталино (Донецк), 1960. – Вып. 8. – С. 226–246. – (Филологическая серия).

11. Отин, Е.С. Из истории средств модальной оценки чужих высказываний / Е.С. Отин // Ученые записки Донецкого государственного педагогического института. – Донецк, 1962. – Вып. 11. – С. 44–52.